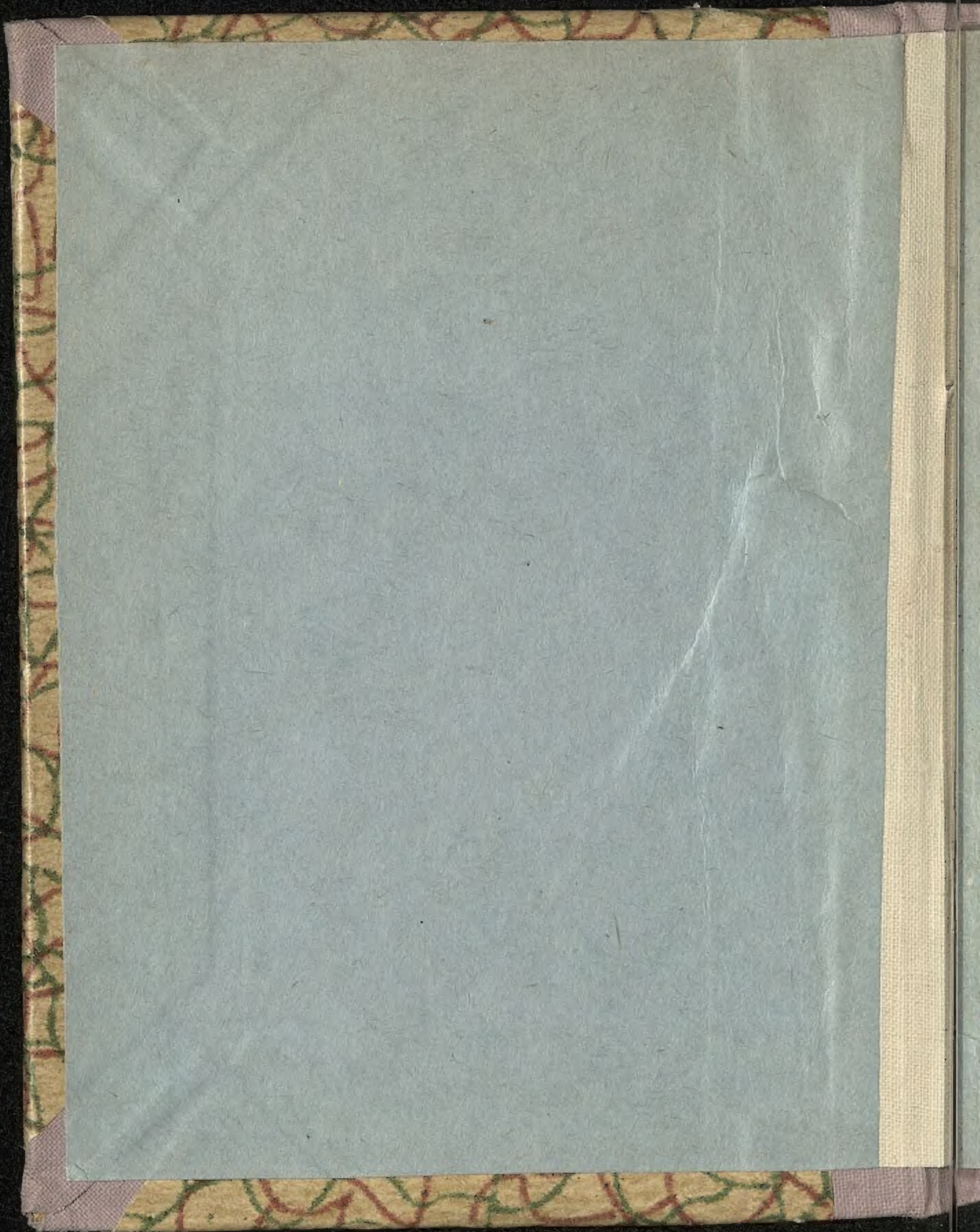
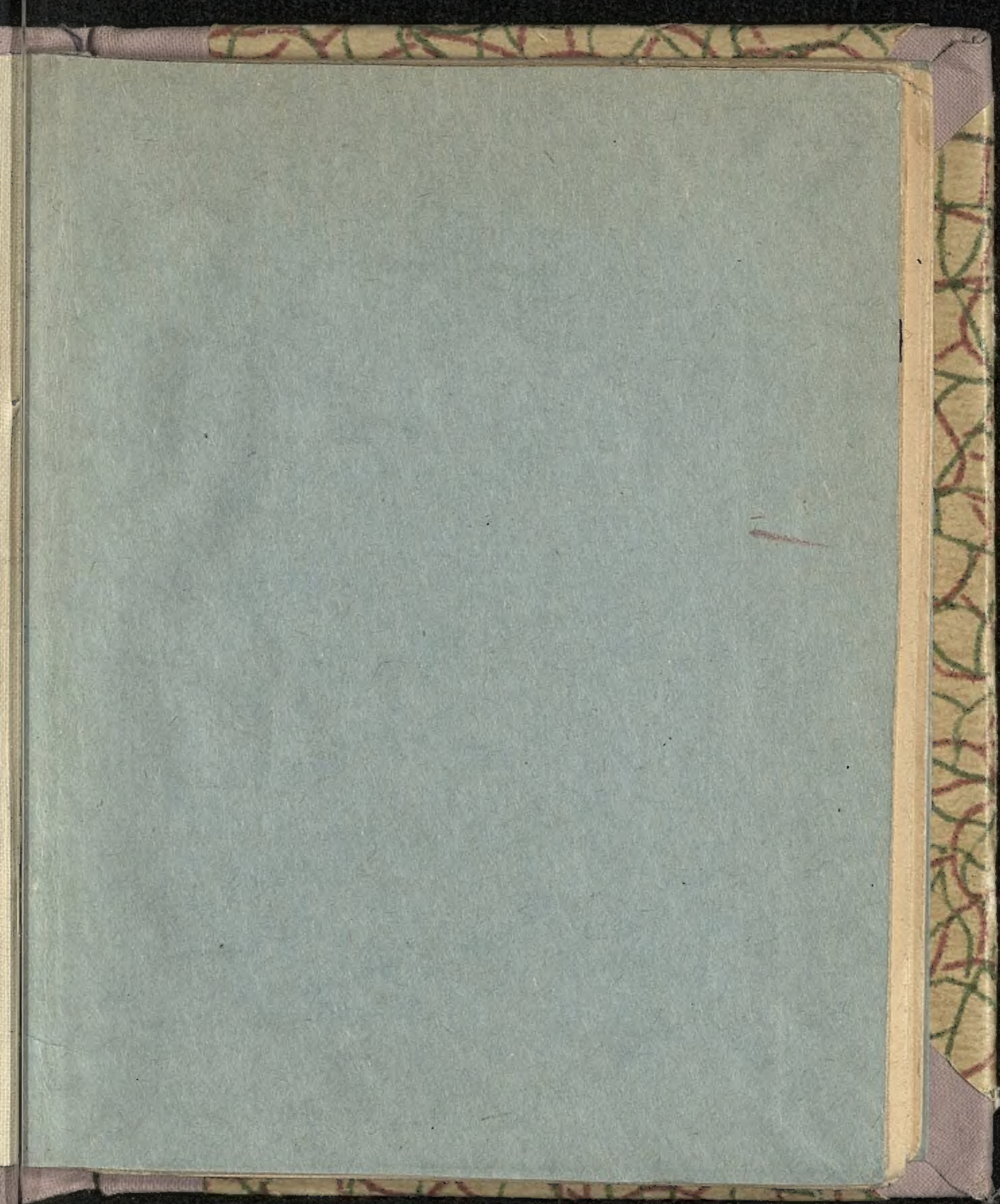
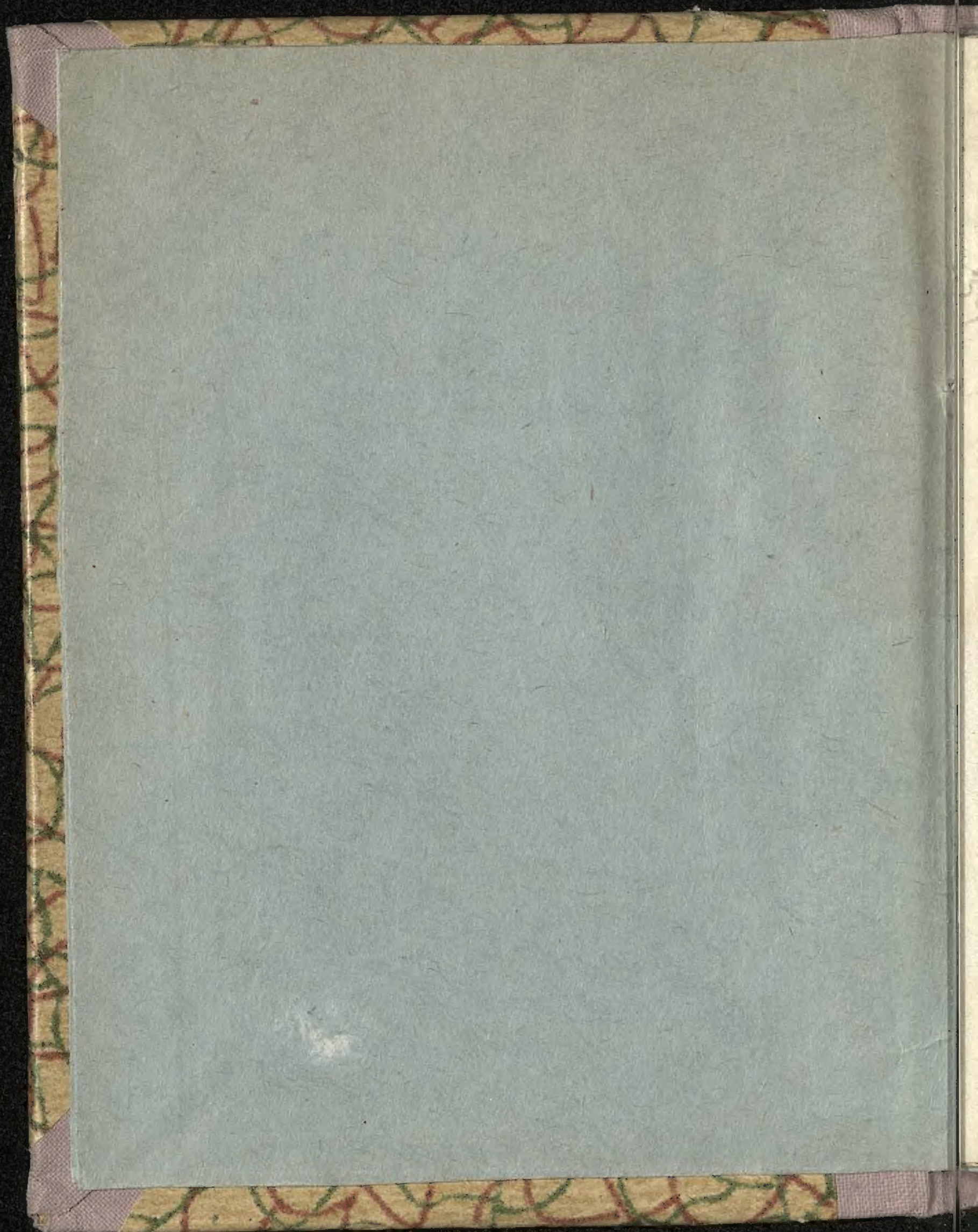

$\Delta \frac{781}{30}$

ФРОНТОВАЯ БИБЛИОТЕКА
КРАСНОФЛОТЦА

781
30

ЖЕНЩИНЫ - ГЕРОИНИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

ВОЕНМОРИЗАТ

1942

2014079407

781
30
4868-43

С. Любимов

Деревня Петрищево, Верейского района, Московской области

Мы не забудем тебя, Таня!

Было начало 1941 года. Быстро прошел короткий день. И когда на лесную поляну спустились вечерние сумерки, из землянки, окутанная клубами пара, вышла молодая девушка.

Совсем стемнело. Над тихими перелесками и заснеженными полями повисло звездное небо. По тропинкам и малопроезжим зимним дорогам путь девушки лежал в деревню Петрищево. Молодая партизанка шла в логово фашистского зверя. Вот уже больше месяца в селах и деревнях Верейского района хозяйничали немецкие оккупанты. Девушка знала, что враг жесток и беспощаден. Он разорил наши села и города, принес неисчислимые страдания русским людям. И с тех пор, как она сделалась партизанкой, целью ее жизни стало жестоко мстить и беспощадно истреблять фашистскую сволочь.

В Петрищеве расквартировалась немецкая воинская часть, отведенная в тыл для переформирования. Из многих домов фашисты выбрасывали мирных обитателей, не считаясь даже с детьми. В первые же дни своего появления в деревне немцы учинили повальный грабеж. Они забирали у колхозников продовольствие, одежду, ценные вещи. Партизанам было известно, что в Грибцове фашисты расстреляли двух мальчиков только за то, что те подобрали на дороге несколько утерянных патронов.

Партизаны жестоко мстили палачам. В тылу врага они свято следовали призыву великого Сталина. На дорогах взрывались вражеские автомашины. Горели склады с военным имуществом. Бесследно исчезали десятки гитлеровских молодчиков. Фашисты боялись советских партизан. И захватив кого-либо из партизан, фашисты придумывали для них самые утонченные пытки.

Девушка, пробиравшаяся в этот вечер в Петрищево, знала, что, если она попадется в лапы врага, пощады не будет. Она бесстрашно шла навстречу опасности, убежденная в правоте своего дела.

В ту морозную декабрьскую ночь были перерезаны телефонные провода. В Петрищеве сгорела конюшня с немецкими лошадьми. Всю ночь и весь следующий день гитлеровцы неистовствовали в деревне. Они шарили в до-

мах, сараях, на гумнах, разыскивая партизан. Арестовали несколько человек из местных жителей, подозревая их в связях с партизанами. Но, разумеется, никаких следов партизан они не нашли.

Вечером следующего дня немцам все же удалось захватить юную партизанку. Ее привели в штаб. Перед немецкими офицерами стояла красивая восемнадцатилетняя девушка в шапке-ушанке, в красноармейских ватных брюках и меховой куртке. Солдаты, схватившие партизанку, положили на стол заряженный револьвер и две бутылки с горючей жидкостью. Она не успела поджечь склад с воинским имуществом...

Хозяевам дома, где фашисты допрашивали партизанку, было приказано выйти в кухню. Все же они слышали, как господа офицеры с тупым равнодушием избивали ее. Ее спросили:

— Ты подожгла конюшню в прошлую ночь?

Партизанка ответила твердым голосом:

— Да, я подожгла!

На все остальные вопросы она отвечала: «Нет» и «Не скажу».

В штабе с нее сняли одежду. В одной рубашке, босую, при сильном морозе фашисты вели ее через всю деревню. В десять часов вечера ее привели в дом колхозника Василия Александровича Кулика. Солдаты втолкнули в комнату раздетую, со связанными руками

девushку. Тело девушки сплошь было покрыто кровоподтеками; на лице, на губах запеклась кровь. Ноги были обморожены.

В изнеможении она опустилась на табуретку и попросила воды. Один из фашистских солдат, немного говоривший по-русски, схватил керосиновую лампу и подскочил к ней:

— Пей керосин, пей керосин!

Уже не в силах дальше сопротивляться, девушка ответила бандиту презрительным взглядом.

Офицеры, истязавшие девушку на допросе, придумали новый вид пытки. По их распоряжению каждый час часовые выводили раздетую партизанку на двор и там держали ее на морозе в продолжение пятнадцати-двадцати минут.

Группа фашистов продолжала истязать ее в квартире Кулика. Они жгли тело девушки спичками и, царапали тело... пилкой.

Под утро, когда фашисты улеглись спать и около партизанки остался один часовой, хозяйка дома Прасковья Яковлевна Кулик спросила девушку, откуда и кто она.

— Я из Москвы, а зовут меня Таня.

Больше она ничего не сказала.

Утром Таню снова допрашивали. Один из офицеров спросил у нее по-русски:

— Где Сталин?

Партизанка всем телом рванулась вперед, ее черные глаза засверкали.

— Сталин на посту! — громко ответила она.

Продолжения допроса хозяева квартиры не слышали, — их выгнали из дому. Видимо, офицеры настойчиво добивались от Тани сведений о партизанах. Но безрезультатно. Через несколько минут допрос был окончен, и ей разрешили одеться. С помощью хозяйки она надела чулки, брюки и кофточку.

А в это время посредине деревни фашистские палачи спешно воздвигали виселицу. Населению объявили: «Будем вешать партизанку. Всем приходиться на площадь».

Было около десяти часов утра. Виселицу оцепили сотней немецких солдат. Десяток конных фашистов гарцовал тут же с шашками наголо. Немецкие бандиты все еще боялись измученной пыткой, избитой, искалеченной девушки.

Под усиленным конвоем, в чулках, без валенок, со связанными руками Таня шла к месту казни. Она высоко держала гордую голову русской патриотки. Взгляд ее черных глаз был устремлен навстречу низким лучам декабрьского солнца. Спокойно и мужественно молодая девушка прощалась с жизнью.

Небрежным взглядом окинула она перекладину с веревкой и твердо поднялась на ящики, поставленные под петлей. Вокруг виселицы засуетился офицер с фотоаппаратом.

— Эй, товарищи! — родное и близкое для колхозников слово разнес над площадью молодой, звонкий голос. Таня повернулась в сторону петрищевских крестьян.

— Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте немцев, жгите, травите!.. Мне не страшно умирать, товарищи! Это — счастье умереть за свой народ...

Обращаясь к немцам, она воскликнула:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами! Вам отомстят за меня...

Колхозники плакали, слушая эту пламенную речь.

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!..

Палач выбил из-под ног девушки ящик и подтянул веревку. Дернулась веревка и оборвала могучий крик пламенной патриотки.

Около месяца на деревенской площади висел труп партизанки. Фашистские негодяи строго наказали жителям не приближаться к виселице. Труном замученной девушки-партизанки они хотели запугать советских людей, сломить их волю к борьбе с фашистскими разбойниками. Но достигли немцы совершенно обратного.

Никогда не сотрется в памяти жителей деревни Петрищево страшная по своей мерзости картина, разыгравшаяся на сельской площади под новый год. Ватага перепившихся фашистов решила поразвлечься. Фашисты пришли к виселице, стянули с трупа партизанки одежду.

Затем подлые изуверы книжалами искромсали замерзшее тело.

И уже только после этого, замечая следы своего черного дела, немцы ночью зарыли труп за деревней, около школы. Тогда же они спилили виселицу и убрали ее.

Так погибла верная дочь советского народа. Пока еще не установлена ее фамилия, но все, кто ее знал и видел в партизанском отряде и в деревне Петрицево, никогда не забудут смуглолицую девушку в красноармейской форме, девушку с горячим сердцем, которая страстно ненавидела заклятых врагов нашей родины — немецко-фашистских захватчиков.

Никогда не забудет ее и весь советский народ. Священная ненависть, жажда борьбы с врагом, которую носила в своем сердце партизанка Таня, — неотделимая частица чувств и переживаний всего народа.

Мужественный образ юной советской девушки, бесстрашно сражавшейся с немецкими извергами, девушки, которая встретила смерть с пламенными словами о родине на устах, будет героическим примером для всей нашей молодежи. Молодые патриоты, воспитанные нашей большевистской партией и Ленинско-Сталинским комсомолом, будут так же бесстрашны в беззаветной борьбе с германским фашизмом, как партизанка Таня.

Кто была Таня

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР комсомолке-партизанке Зое Космодемьянской посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

О ее подвиге было рассказано в очерке «Таня», напечатанном в «Правде» 27 января 1942 года. Тогда еще не было известно, кто она. Ни на допросе, ни в разговоре с петрищевской крестьянкой Прасковьей Кулик девушка не назвала своего подлинного имени. При встрече в лесу с одним из верейских партизан она тоже сказала, что ее зовут Таней. И здесь из предосторожности она скрыла свое настоящее имя.

Сейчас Московским комитетом комсомола установлено, кто была эта девушка.

Это Зоя Анатольевна Космодемьянская, ученица десятого класса школы № 201 Октябрьского района города Москвы.

Ей было восемнадцать лет. Она рано лишилась отца и жила с матерью Любовью Тимофеевной и братом Шуриком близ Тимирязевского парка в доме № 7 по Александровскому проезду.

Высокая, стройная, плечистая, с живыми темными глазами и черными, коротко стриженными волосами — таким рисуют друзья ее

Герой Советского Союза
Зоя Космодемьянская

внешний облик. Зоя была задумчива, впечатлительна, и часто густой румянец вдруг заливал ее смуглое лицо.

Мы слушаем рассказы ее школьных товарищей и учителей, читаем ее дневники, сочинения, записи, и одно поражает в ней всюду и неизменно: необычное трудолюбие, настойчивость, упорство в достижении намеченной цели. Перед уроками литературы она прочитывала множество книг и выписывала поправившиеся места. Ей труднее давалась математика, и после уроков она подолгу засиживалась над учебником алгебры, терпеливо разбирая каждую формулу до тех пор, пока не усваивала ее окончательно.

Зою избрали комсомольским групповым организатором в классе. Она предложила комсомольцам заняться обучением малограмотных домохозяек и с удивительным упорством добивалась, чтобы это начинание было доведено до конца. Ребята вначале охотно принялись за дело, но ходить пужно было далеко, и многие быстро остыли. Зоя болезненно переживала неудачу, она не могла понять, как можно отступить перед препятствием, изменить своему слову, долгу...

Русскую литературу и русскую историю Зоя любила горячо и проникновенно. Она была простой и доброй советской школьницей, хорошим товарищем и деятельной комсомолкой. Но, кроме мира сверстников, у нее был и дру-

гой мир — мир любимых героев отечественной литературы и отечественной истории.

Порой друзья упрекали Зою в некоторой замкнутости — это бывало тогда, когда ее целиком поглощала только что прочитанная книга. Тогда Зоя становилась рассеянной и нелюдимой, как бы уходя в круг образов, пленивших ее своей внутренней красотой.

Великое и героическое прошлое народа, запечатленное в книгах Пушкина, Гоголя, Толстого, Белинского, Тургенева, Чернышевского, Герцена, Некрасова, было постоянно перед мысленным взором Зои. Это прошлое питало ее, формировало ее характер. Оно определило ее чаяния и порывы, оно с неусдержимой силой влекло ее на подвиг за счастье своего народа.

Зоя переписывает в свою тетрадь целые страницы из «Войны и мира», ее классные работы об Илье Муромце и о Кутузове написаны с большим чувством и глубиной и удостоиваются самой высокой оценки. Ее воображение пленяет трагический и жертвенный путь Чернышевского и Шевченко, она мечтает подобно им послужить народному делу.

Перед нами записная книжка, которую Зоя Космодемьянская оставила в Москве, отправляясь в поход. Сюда она заносила то, что вычитала в книгах и что было созвучно ее душе. Приведем несколько выписок, они помогут нам понять Зою.

«...В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» (Чехов).

«Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь» (Маяковский).

«Умри, но не давай поцелуя без любви» (Чернышевский).

«За десять французов я ни одного русского не дам» (Кутузов).

Ах, если бы латы и шлем мне достать,

Я стала б отчизну свою защищать...

Уж враг отступает перед нашим полком.

Какое блаженство быть храбрым бойцом! (Гете).

«Какая любвеобильность и гуманность в «Детях солнца» Горького!» — записывает она карандашом в свою записную книжку. И далее: «В «Отелло» — борьба человека за высокие идеалы правды, моральной чистоты, тема «Отелло» — победа настоящего большого человеческого чувства!»

С какой-то особенной, подкупающей, детской искренностью и теплотой пишет Зоя о тех, в ком воплощено горделивое вчера, бурливое сегодня и светлое завтра нашего народа, — об Ильиче, о Сталине.

В этих записях она вся — чистая помыслами и всегда стремящаяся куда-то ввысь, к достижению лучших человеческих идеалов.

Июнь 1941 года. Последние экзамены. Зоя переходит в десятый класс, а через несколько дней начинается война. Зоя хочет стать бой-

цом, она уходит добровольцем в истребительный отряд.

Она прощается с матерью и говорит ей:

— Не плачь, родная. Вернусь героиней или умру героиней.

И вот Зоя в казарме, в большой и показавшейся ей суровой комнате, перед большим столом, за которым сидит командир отряда. Командир долго и испытующе вглядывается в ее лицо.

— Не боитесь?

— Нет, не боюсь.

— В лесу ночью одной ведь страшно?

— Нет, ничего.

— А если к немцам попадетесь, если пытать будут?

— Выдержу...

Ее уверенность подкупила командира, он принял Зою в отряд. Вот они, латы и шлем бойца, которые трезились Зое!

Семнадцатого ноября она послала матери последнее письмо: «Дорогая мама! Как ты сейчас живешь, как себя чувствуешь, не больна ли? Мама, если есть возможность, напиши хоть несколько строчек. Вернусь с задания, так приеду погостить домой. Твоя Зоя».

А в свою книжечку, занесла строку из «Гамлета»: «Прощай, прощай! И помни обо мне».

На другой день у деревни Обухово, близ Наро-Фоминска, с группой комсомольцев-пар-

тизан Зоя перешла через линию фронта на занятую противником территорию.

Две недели они жили в лесах, ночью выполняли свое боевое задание, а днем трелись в лесу у костра и спали, сидя на снегу и прислонившись к стволу сосны. Иных утомили трудности похода, но Зоя ни разу не пожаловалась на лишения. Она переносила их стойко и гордо.

Пищи было запасено на пять дней. Ее растянули на пятнадцать, и последние сухари уже подходили к концу. Пора было возвращаться, но Зое казалось, что она сделала мало. Она решила остаться, проникнуть в Петрищево. Она сказала товарищам:

— Пусть я там погибну, зато десяток немцев уничтожу.

С Зоей пошли еще двое, но случилось так, что вскоре она осталась одна. Это не остановило ее. Одна провела она две ночи в лесу, одна пробралась в деревню к важному вражескому объекту, и одна мужественно боролась против целой своры терзавших ее с безумной жестокостью фашистов. И в эти последние часы ее, наверно, не покидали и окрыляли любимые образы героев и мучеников русского народа!

Как-то Зоя написала в своей школьной тетради об Илье Муромце: «Когда его одолевает злой нахвальщик, то сама земля русская вливает в него силы». В те роковые минуты

словно сама родная, советская земля дала Зое могучую, недевическую силу. Эту дивную силу с изумлением вынужден признать даже враг.

В наши руки попал унтер-офицер Карл Бейерлейн, присутствовавший при пытках, которым подверг Зою Космодемьянскую командир 332-го пехотного полка 197-й немецкой дивизии подполковник Рюдерер. В своих показаниях гитлеровский унтер, стиснув зубы, написал:

«Маленькая героиня вашего народа осталась тверда. Она не знала, что такое предательство... Она посинела от мороза, раны ее кровоточили, но она не сказала ничего».

Зоя умерла на виселице с мыслью о родине и с именем Сталина на устах. В смертный час она славилась грядущую победу.

Тотчас после казни площадь опустела, и в этот день никто из жителей не выходил на улицу без крайней необходимости. Целый месяц висело тело Зои, раскачиваемое ветром и осыпавшее снегом. Прекрасное лицо ее и после смерти сохранило свою свежесть и чистоту, и печать глубокого покоя лежала на нем. Те, кому нужно было пройти мимо, низко опускали голову и ускоряли шаг. Когда же через деревню проходили немецкие части, тупые фрицы скружали виселицу и долго развлекались, тыкая в тело палками и раскатисто гогоча. Потом шли дальше, и в нескольких километрах их ждало новое развлечение: возле

участковой больницы висели трупы двух повешенных немцами мальчиков.

Так шли они по оккупированной земле, утыканной виселицами, залитой кровью и вопиющей о мщении.

Немцы отступали поспешно и впопыхах не успели сжечь Петрищево. Оно одно уцелело из всех окрестных сел. Живы свидетели кошмарного преступления гитлеровцев, сохранились места, связанные с подвигом Зои, сохранилась и могила, где покоится ее прах.

И холм славы уже вырастает над этой едва приметной могилкой. Молва о храброй девушке-борце передается из уст в уста в освобожденных от фашистов деревнях. Бойцы на фронте посвящают ей свои стихи и свои залпы по врагу. Память о ней вселяет в людей новые силы. «Нам, советским людям, — пишет в редакцию «Правды» студент-историк, — много еще предстоит пережить. И если трудно придется, я прочту снова этот печальный рассказ и погляжу на прекрасное, мужественное лицо партизанки».

Лучезарный образ Зои Космодемьянской светит далеко вокруг. Своим подвигом она показала себя достойной тех, о ком читала, о ком мечтала, у кого училась...

Отомстите за мою дочь!

(Выступление по радио Л. Т. Космодемьянской —
матери Героя Советского Союза
Зои Космодемьянской)

Дорогие товарищи!

Я хочу вам, сверстникам, друзьям, подругам моей Зои, сказать несколько слов. Я хочу попросить вас, родные, от всего материнского сердца: отомстите подлому фашистскому зверю, отомстите немецким палачам за смерть моей дочки!

Товарищи! Говорить о Зое мне невыносимо тяжело. Вы сами это понимаете. Ведь я потеряла самого близкого, дорогого мне человека, я выходила, вырастила ее... Пусть ни одного из вас, когда он в будущем станет матерью или отцом, не постигнет такое страшное горе.

Но все-таки я должна сказать о Зое. Я должна сказать вам всем, всей нашей молодежи: я горжусь своей дочерью! И Зое моей — вот тут, перед вами, хочется мне сказать, хоть она и не услышит меня: горжусь тобой, моя девочка!

Товарищи! У Зои была светлая голова и горячее, чистое, мужественное сердце. У нее было сердце борца, товарищи! Мы с Зоей жили душа в душу. Мы были не только мать и дочь, а друзья. Делились своими горестями и радостями. Я знала, как Зоя относится к жиз-

ни, и родные, и комсомолу. Тепло и спокойно мне было с моей девочкой. Чуть пригорюнишься, она подойдет, заглянет в лицо, встряхнет:

— Мама, ты что? Брось, мама! Все это пройдет.

Удивительно бодрый и цельный была она человек. Я старше ее, опытнее, а она помогала мне переносить мужественно неудачи или трудности...

Товарищи! Зоя мне сказала, что уезжает на фронт. «Мама, — сказала мне Зоя, — я уйду на фронт к партизанам. Тебе я могу об этом сказать. Ты пойми, мама, у меня нет сил стоять в стороне, когда фашисты лезут на Москву...»

Я должна признаться — у меня на глаза набежали слезы. Все это было так неожиданно для меня. И мне как-то трудно было сразу представить себе, что единственная дочка моя, молоденькая такая, уходит на войну...

Зоя заметила мое волнение и сказала — вот точно ее слова: «Ты что плачешь, мама? Не ты ли мне говорила, что я должна быть смелой и честной. Мама, я горжусь тем, что буду бороться с фашистами, и ты гордись, что я уйду на фронт. Со слезами меня провожать не надо».

И я проглотила слезы. Я взглянула на дочку, и мне даже совестно стало перед ней —

такая она была радостная, приподнятая, праздничная... В этот вечер мы с Зоей особенно хорошо поговорили.

Зоя разрешила мне проводить ее до трамвайной остановки. Шла она с маленьким походным мешком. Сама я и мешок этот ей купила...

У трамвайной остановки мы попрощались. Зоя сказала мне. Вот как сейчас слышу ее гордый и радостный голос:

— Приду героиней или умру героиней, ты, мама, не унывай. — И улыбнулась. Больше я ее так и не увидела.

Товарищи! Сердце мое тяжело ранено, и время не залечит этой раны. Но я горжусь, что дочка моя смело пошла на великое дело и осталась сильной, честной, гордой до последнего дыхания. Зоя встретила смерть как настоящий человек, борец, коммунист.

Товарищи! Меня радует одно: Зою никогда не забудут. В моем-то материнском сердце она будет жить, пока сердце бьется. Но она будет жить в ваших сердцах и тогда, когда меня не будет. Ее вспомнят добрым словом и ваши дети... Я ехала в трамвае в тот день, когда была напечатана в «Правде» статья «Таня». Газеты я не читала, но слышу, как говорят: «Таня, Таня» и рассказывают о подвиге девушки, об исключительной силе воли. Мне тогда и в голову не пришло, что Таня это и есть родная моя Зоя... Только я разволновалась,

вспомнила Зою: как она там, на фронте? И подумала: если придется ей, девочке моей, встретиться лицом к лицу с опасностью, пусть бы была она так же сильна, как эта чудесная Таня!

А потом оказалось, что Таня и есть моя Зоя...

Товарищи! Пусть будут прокляты эти фашистско-немецкие кровососы-душегубы! Пусть их матерям, их дочерям приснится страшная казнь моей Зои! Красавице палачи получают по заслугам! Я знаю это. Фашизм будет истреблен раз и навсегда. Я знаю это, товарищи! Но я прошу вас как мать, потерявшая любимое дитя: отомстите скорее и за мою Зою!

Отомсти, мститель, немецким зверям, которые мучили, терзали мою дочку!

Я прошу вас об этом. И я повторяю вслед за незабвенной своей Зоей:

— Будьте смелее! Боритесь, бейте немцев! Смерть фашистским палачам! Смерть им!

Н. Кавская

Жизнь и подвиг Лизы Чайкиной

Неграмотная старушка-колхозница Акулиня Прокофьевна Чайкина рассказывает о своей Лизе так бесхитрестно и трогательно, как может рассказывать только мать. Послушаешь ее, и, как живая, встает перед глазами полная

Герой Советского Союза
Лиза Чайкина

сил, жизнерадостная девушка, вожак колхозной молодежи Лиза Чайкина, ее короткая, ясная жизнь, ее подвиг, ее героическая смерть.

Говорить о Лизе спокойно Акусья Прокофьевна не в силах. Слишком глубока и свежа нанесенная материнскому сердцу рана. Закроет лицо морщинистыми, натруженными руками, помолчит, сдержит подступившие рыдания и тихо скажет:

— Простите старую, желанные мои. Материнские слезы ничем не уймешь, льются они и льются.

— Мы сами деревенские жители деревни Руны, Пеновского района, — рассказывает мать Лизы. — В колхоз вошли без лукавства, с чистым сердцем. Лизанька в ту пору еще маленькая была. Бедовая была девочка, бойкая, в школе училась хорошо. Когда в возраст стала входить, гулянками не интересовалась. Придет домой с книжкой или газеткой: давай, скажет, мамушка, почитаем. Раз, помню, прибегает в избу такая веселая:

— Я в комсомол записалась!

Ничего я ей наперекор не сказала. Твое дело, говорю, молодое, делай на свое усмотрение, а я против ничего не имею.

Наша Лиза в колхозе поработала недолго, РИК послал ее избачом в Залесье, стала она там у комсомолов коноводом. По колхозам ходит, собрания проводит, кружки организует. Всегда у нее дела, вечно ей недосуг. У нее

характер такой. Уж если ей какое дело задано, всю ноченьку до красной зари просидит, а сделает. И устали никакой не знала, всегда весела, всегда с улыбкой и песней. Сама активная была и меня учила:

— Какое бы дело в колхозе ни завелось, будь всегда впереди, мать, чтобы народ за тобой тянулся!

Я так и делала.

Прошло время, и наша Лизанька стала работать в Пено секретарем комсомольского райкома. Бабы наши, бывало, только руками разводят:

— Что за девка у тебя, Аксинья!

И верно, особенная она у меня задалась. Приду на собрание, услышу ее голос и сама себе не верю — неужели это мой родной дитенок? Так умно, так складно скажет, что у каждого дух подымет. Посмеешься, бывало: в кого ты у нас такая уродилась? Скажет: сама в себя! Это, мамушка, нас товарищ Сталин уму-разуму учит.

И вот началась война с проклятым германцем. Лиза навевалась в колхоз редко. Колхозникам говорила на собраниях: будьте, как бойцы на фронте, все подымайтесь на защиту родины!

В последний раз прибежала к нам Лизанька незадолго до немца. Он уже подступал к нашему району, все дороги жег, убивал, грабил. Мы голову потеряли. Что будем делать? Лиза

научила: в деревне, говорит, ни в коем случае не оставайтесь, уходите, старые и малые, в лес, в землянки.

Напекла я дочушке любимой лепешек на дорогу, пошла прозонать. Идет Лизанька моя задумчивая и говорит:

— Может быть, в остатний раз меня, мамушка, провожаешь. Война к нашему дому подступает. Всяко может случиться. Я, наверное, в партизаны уйду.

Помолчала, а затем сказала:

— Может статься, что меня убьют враги. Так ты помни, мамушка, мой наказ. Убитая буду лежать — не подходи, виду не подавай, что я твоя дочка, иначе худо тебе будет. Коли что стряется со мной, сильно не убивайся. Советская власть и товарищи мои тебя не оставят.

Дочушка моя родненькая! На смерть сряжалась, а обо мне заботилась.

И вот нагрянули немецкие тираны. Мы ушли из избы, в лесу хоронились от злодеев. Живем в землянке и слышим — говорит народ, будто Лизу Чайкину, комсомольского секретаря, немецкие каратели расстреляли у пеновской водочки. Мы сначала верить не хотели. Нашли тех, кто слух этот принес, спрашиваем, как одета та девушка. Говорят: юбочка черная, сапожки хромовые, тужурочка серая и красная шапочка, в сторону откатившись. Так

я замертво и повалилась. Тужурочку-то серую я Лизе сама в Пено за 84 рубля покупала...

После мне Лизины товарищи-комсомольцы и пеновские жители сказали, как приняла смерть дочь моя. Ушла она в партизанский отряд, воевала там храбро, своими руками одного немецкого офицера застрелила. Потом пошла по деревням проводить тайные собрания, читала колхозникам доклад товарища Сталина, говорила им: держитесь стойко, помогайте Красной Армии и партизанам, скоро наша возьмет! Тринадцать деревень прошла, а в четырнадцатой нашелся предатель, выдал ее германским карателям.

Привезли, рассказывают, Лизу в Пено, поставили у водокачки. Измученная она была, но духом не пала. «Сознавайся, — орут немцы, — кто еще с тобой в партизаны ушел и как их найти?» Дали залп из ружей выше головы, чтобы напугать, значит. Видит Лизанька, — смерть приходит, а не покорилась душегубцам.

Палачи эти второй раз вверх стрельнули. А моя Лиза руки подняла и звонко крикнула:

— Умираю за свое правое дело, за Сталина, за коммунизм! Не страшусь вас, фашисты, стреляйте!

Тут на месте ее и прикончили.

Вот она какая была! Жалко мне свое родное дитя, сердце кровью обливается, но горжусь, что у меня такая дочь, что другие де-

вушки и парни учатся теперь у Лизы, как надо бороться с врагом.

Но покуда немецкие кровопийцы хозяйствуют на нашей земле, не будет нам ни покоя, ни счастья, ни вольного дыхания. За смерть Лизы, за все горе народное проклиная вас, немецкие изверги. Отольется вам, окаянные, каждая капля лизиной крови!

А сыну своему, красноармейцу Степану, и другим его товарищам-бойцам говорю громко: отомстите за нашу Лизу! Сражайтесь, родные, храбро за наше правое народное дело! Не давайте пощады немецким паразитам, бейте фашистских лиходеев, гоните их с нашей земли!

Н. С. Морозов

Секретарь Пеновского райкома ВКП(б)

Дочь Ленинского-Сталинского комсомола

Всю свою недолгую, но яркую жизнь комсомолка Лиза Чайкина отдала служению народу, партии, Ленинскому комсомолу. Будучи еще совсем молодой девушкой, она вступила в комсомол. Тогда она работала счетоводом колхоза в своем родном селе Руны. Потом ее выдвинули на работу секретаря Руновского сельсовета.

Руновские колхозники хорошо знали ее и называли: «наша Лиза». Чуткая и отзывчивая, она всегда быстро откликалась на запросы на-

селения. И в колхозе и в сельсовете около ее столика всегда толпились крестьяне: кому нужно было подсчитать трудодни, кому — отвести в лесу делянку дров. Никто не уходил от Лизы обиженным.

Вскоре Чайкина была назначена заведующей избой-читальней при Залесском сельсовете. Читальня стала при Лизе культурным центром села. Читки газет, вечера самодеятельности, беседы с населением — все виды культурно-массовой работы использовала Лиза в своей избе. Залесскую читальню признали одной из лучших в области. Лиза была премирована. Потом ее избрали секретарем первичной организации в селе Залесье.

Пеновские районные организации видели, что Лиза вырастает в крупного работника, организатора и воспитателя молодежи. В 1939 году она была избрана секретарем Пеновского райкома комсомола. И мы не ошиблись в выборе. За два года пеновская районная организация выросла больше чем в два раза: с 700 до 1500 человек. Около 50 юношей и девушек было передано за это время из комсомола в партию. Все они оправдали высокое звание членов партии.

Многих активисток любовно вырастила Лиза для комсомольской работы. Среди них — Зина Пускунова, секретарь комсомольской организации при колхозе «Пролетарская правда». Молодая учительница Ганиенкова — ру-

ководительница gryлевской комсомольской организации. Маруся Куперова, ближайшая подруга Лизы, впоследствии стала разведчицей партизанского отряда. Она была зверски убита фашистами.

Население хорошо знало Лизу. Когда пришло время выборов в районный совет, избиратели 2-го избирательного участка единодушно отдали свои голоса за Лизу. Коммунисты района избрали ее членом райкома ВКП(б).

Пришла война. Над районом нависла черная туча фашистской оккупации. Лизе была поручена ответственная задача: поднять пеновскую молодежь на скорейшую уборку урожая. Комсомольцы, пионеры, школьники дни и ночи проводили с Лизой в поле. Ни одного килограмма урожая не было оставлено жадному фашистскому зверю.

Красная Армия временно отступила из нашего района. Коммунисты и комсомольцы, непартийные большевики района организовались в партизанские отряды. В один из отрядов вступила Лиза. Партизаны нашли в ней замечательную разведчицу. В селах и деревнях района у Лизы были сотни друзей. Она держала с ними связь, пробираясь в села, захваченные немцами, добывая отряду ценнейшие сведения.

В партизанский отряд Лиза Чайкина пришла вместе с шестнадцатью комсомольцами. Среди них было пять девушек и одиннадцать парней.

Все они были верными сынами и дочерьми нашей родины, все шестнадцать, не задумываясь, пошли за своим вожаком к партизанам, чтобы истреблять фашистскую нечисть, поганящую нашу землю.

Комсомолки, ранее работавшие на телеграфе, захватили с собой кое-какую аппаратуру, и спустя несколько дней в партизанском отряде уже действовала собственная радиостанция. Партизаны принимали из Москвы телеграммы ТАСС, сообщения Информбюро, а незабвенная наша Лиза несла каждое новое слово Москвы в родные села, на хутора, в колхозные избы. Она была бсевым партизаном-пропагандистом, била немецких оккупантов не только из трофейного автомата, но и пламенным большевистским словом. Она вселяла в людей уверенность, что недолгим будет фашистский плен, что наша Красная Армия скоро вернется и очистит родную землю от гитлеровцев.

Четыре месяца Лиза Чайкина работала и боролась в тылу у немцев. Четыре месяца за ней охотилась немецкая разведка.

В середине ноября комиссар партизанского отряда поручил Лизе познакомить колхозников с докладом товарища Сталина. Отважная комсомолка провела пятнадцать колхозных собраний. 22 ноября, после проведения одного такого собрания в селе Жукопа, она возвращалась на хутор Красное Покатище. На этот раз фашистской разведке удалось ее захватить. Фа-

шисты расстреляли на месте старушку Купорову, ее дочь Марусю и сына Васю, в доме которых остановилась Лиза. Запылали дома на хуторе.

Лизу Чайкину увезли на станцию Мено. Гестаповцы подвергли ее жестоким пыткам. Но ни слова, ни одного слова храбрая комсомолка не сказала о своих товарищах-партизанах. В тот же день фашисты зверски казнили ее.

Наша Лиза умирала с возгласом: «Да здравствует Сталин!»

Фашистские изверги замучили Лизу. Она умерла, как и подобает большевику: гордо, с достоинством, при выполнении своего долга. Память о Лизе будет долго жить среди населения. За кровь ее фашистские выродки жестоко поплатились. Они поплатятся еще больше.

Борис Лавренев

Людмила Павличенко

Детство Люды Павличенко прошло на Украине. Было оно непоседливым, кочевым. Отец, районный работник, пересажал с места на место, туда, где требовались его опыт и знания. Мать учительствовала. Когда отец снимался с места, семья двигалась за ним.

Дольше обычного задержались в Белой Церкви. Маленький сонный городок был напоен запахом тополевой листвы и романтиче-

Замечательный снайпер
Людмила Павличенко

скими воспоминаниями о бурном прошлом Украины. Здесь шумела когда-то слава украинского казачества, проносились, сверкая клинками, коиные regimenty, и перед полками выезжал на бешеном аргамаке бесстрашный «лишарь вйська українського» гетман Всея Украины Богдан Хмельницкий.

Слава отошла. Она оживает синими лунными ночами в шопоте деревьев. В нем словно слышатся певучие ритмы «Кобзаря», чеканные строки «Полтавы».

Белые домики тонут в зелени. Золотые лики подсолнухов заглядывают через плетни. Сад пронизан солнечным светом. На плетнях орут бесшабашные воробьи.

Здесь в густой траве кралась худенькая смуглая девочка. Она зажимала в руках рогатку. Рогатка — забава и оружие мальчишек. Но девочка предпочитала рогатку куклам. Она целилась и метала камушки в воробьев. Иногда ей удавалось свалить с плетня какого-нибудь серого ротозя. Тогда глаза у нее горели радостью охотничьей удачи. У нее был точный и меткий глаз.

Она любила драться с мальчишками. Она не терпела их за поддразнивание, за презрительность к «девчошке». Мальчишки больно лупили ее, таскали за волосы. Она отступала, но отступала непобежденной. Наученная опытом, она норовила подстеречь противника в одиночку. Вихрем налетала из засады, молотила оше-

ломленного противника кулачками и, победив, скрывалась от погони в густых зарослях сада.

Она выросла. Наступили школьные годы. В школу она пришла такой же неприрученной, своевольной и по-атамански верховодила сверстниками. Учение давалось ей очень легко. Прилежание и усидчивость были для нее неведомыми словами. Поведение, с точки зрения педагогов, — несносное.

Много раз на школьном совете ее подвиги были предметом дискуссий и ставился вопрос: что делать с Павличенко? В этом были виноваты и сама Люда и педагоги. Они не сумели подойти к своевольному, яркому, не похожему на других характеру. При переходе в последний класс школы было найдено соломонovo решение: признать, что ученица Павличенко значительно обогнала своих одноклассников в знаниях и развитии, а потому выдать ей свидетельство об окончании полного курса школы.

— Не знали, как выгнать, и выперли с особым почетом, — смеясь, вспоминает об этом случае Люда.

Ей предстояло теперь выбирать жизненную дорогу. Она пошла работать на завод.

Еще в школе Люда Павличенко пристрастилась к чтению. Читала без разбора и до изнеможения. Больше всего любила книги о путешествиях и приключениях. Книги о людях с большими и пылками сердцами, с твердыми

арактером. У людей, прокладывающих дорожку другим.

Вторым ее увлечением в этот период был спорт. Стрельба захватила ее, как захватывало все, что нравилось. Она с первых же выстрелов в тире показала отличные результаты. Меткость и точность глаза сохранились с детства. Может быть в ней воскресли воспоминания детства, сад, рогатка, воробы. Кроме того ее подгоняло неугомонное самолюбие. Всякое дело, за которое она бралась, она должна была делать лучше всех.

Из заводского цеха она пришла на исторический факультет. И здесь убедилась, что в высшей школе нужно учиться совсем иначе, чем прежде. Нужно было работать организованно и упорно. Ей пришлось сурово бороться со своим характером. Его никто не мог победить извне, — она сама решительно переделала его. История все больше увлекала ее, особенно славная и бурная история родной Украины. И когда, кончая университет, она должна была писать дипломную работу для аспирантуры, она взяла темой жизнь гетмана Богдана Хмельницкого. Почему именно его? Яркая личность — дипломат, политик, воин, человек неукротимого характера и несравненной храбрости — Богдан привлек романтическое воображение Людмилы. Она засела за работу с увлечением. Проглатывала множество книг и рукописей.

Ей не удалось кончить работу. Ночью когда, устав от чтения, она подошла к раскрытому окну и смотрела на лучистые украинские звезды, — этой ночью уже шумели крылами черные вороны Гитлера. Из звездного купола на ее любимый Киев обрушились гром и пламя.

Утром она увидела расколотые бомбами дома, кровь на тротуарах и стенах, тела убитых детей. По улицам шли красноармейцы на запад. На их запыленные и строгие лица ложились суровые тени от шлемов. В знакомом пейзаже города она увидела выражение гнева и горечи. И поняла, что этот город и встающая за ним родина для нее дороже всего в жизни и что сама жизнь без них не имеет оправдания.

На следующий день она пошла просить о назначении ее в армию. Это далось нелегко, но она настояла на своем, и через неделю на передовой линии под Одессой появился боец 25-й Чапаевской дивизии Людмила Павличенко.

С этого дня началась ее славная боевая жизнь. Скоро Людмила открыла тот счет уничтоженным врагам, цифра которого вырастала с каждым ее выстрелом.

Она яростно ненавидела чужаков, которые вторглись в ее родную древнюю землю, топтали ее сапожищами, калечили и насиловали. Она убивала их с ясным сознанием необходимости убивать во имя родины.

Она писала в письме матери: «Кое-что мне пришлось видеть. От их зверств во мне закипает злость, а злость на войне — хорошая вещь, она — сестра ненависти и святой мести».

Девушка привыкла после боя спать на голой земле, накрываясь шинелью.

Теперь она все время находилась на переднем крае и даже впереди него, в снайперских ячейках, отрытых в скалистой почве. В любую погоду она лежала там, подстерегая врагов. Она убивала гитлеровцев неторопливо и хладнокровно. Десятки неприятельских разведчиков, наблюдателей, офицеров были уложены ею навсегда на подступах к Севастополю с пулей в глазу или между глаз.

О снайпере Павличенко уже ходили в Севастополе легенды. Многие не верили, что это девушка. Однажды на передний край пришел широкоплечий, гигантского роста старшина из бригады торпедных катеров. Он потребовал, чтобы ему показали Людмилу. Долго смотрел на нее издали, подойти из застенчивости не решился и, тряхнув чубиком, сказал с восхищением:

— От же ж, господи боже, диво! З виду штрикоза, а на деле — тигра.

Уже на гимнастерке Людмилы блестела боевая медаль. Она стала сержантом, потом старшим сержантом и инструктором снайперской команды. Она сама отбирала людей в свою команду, присматриваясь к ним, оцени-

вая. Не поддававшаяся в детстве педагогическому воздействию, она стала теперь терпеливым и умелым воспитателем. Иногда ей присылали людей со стороны, таких, каких она сама, пожалуй, и не взяла бы. Упрямых, недисциплинированных.

Как-то к ней пришли два «гаврика» из морской пехоты, два бесшабашных дружка — Киселев и Михайлов. Увидев, что за птица этот «старший сержант», оба «гаврика» повели себя нахально, всем видом своим показывая, что не станут подчиняться «бабе». После безуспешных попыток справиться с ними по хорошему, Людмила так разделала их покомандирски, что дружки сразу притихли и поняли, что шутки плохи. Через неделю они стали преданными спутниками Людмилы, готовыми отдать жизнь за своего сержанта, и однажды, рискуя жизнью, выручили Людмилу из почти безвыходного положения.

Не только свои, но и немцы уже знали этого страшного для них снайпера. С немецкой тупостью они сначала старались завлечь Людмилу к себе нелепыми посулами, а когда убедились в безрезультатности этих глупых попыток, — озверели и, выкрикивая гнусные ругательства, грозились «повесить сволошь за ноги». Людмила усмехалась недоброй, кривой усмешкой и пробивала пулями черепа крикунов.

Ее не обманывали уже никакие немецкие

хитрости. Она терпеливо выжидала, когда высунет голову из укрытия живой немец. И тогда он немедленно становился мертвым. А она считала:

— Двести семьдесят третий. Будет больше.

Счет нарастал. И опять Людмила писала матери: «...обмениваюсь с фрицами «любезностями» путем оптического прицела и единичных выстрелов. Нужно тебе сказать, что это самое верное и правильное отношение к немцам. Если их сразу не убьешь, то потом беды не оберешься».

И она была верна своему правилу. Она била их сразу, наповал, как бешеных собак. Била без отдыха, днем и ночью.

Последнее свое боевое дело в Севастополе она провела вместе со своим старым другом, снайпером Леонидом Киценко. Вдвоем за один час они методично и спокойно выбили больше десятка офицеров и солдат на немецком командном пункте. Ни одна их пуля не пропала впустую.

Личный счет старшего сержанта Людмилы Павличенко дошел до цифры 309.

Ей не удалось округлить его до трехсот десяти. Осколок мины в четвертый раз вывел ее из строя, и командование приказало эвакуировать ее.

К боевой медали над карманом ее гимнастерки прибавился орден Ленина. На петлицах появился вместо трех треугольников квадратик.

— Я всем обязана родине. Кто угрожает родине — угрожает мне. А кто угрожает мне, на того у меня есть пуля.

И ее горячие молодые глаза глубоко уходят под брови и загораются угрюмым огнем. В ней говорит неукротимое сердце бойца, воспитанного родиной, советской властью, Ленинским комсомолом, сердце, полное энергии и страсти, готовое всю кровь до последней капли отдать за честь и свободу родной земли.

Сейчас Людмила Павличенко в Вашингтоне, на международном съезде студентов. Она — делегат советских студентов. Скоро она вернется на родину. И снова в бой. Счет не кончен. Немцев еще много на русской земле. Их не должно быть на ней — ни одного.

Сергей В. Григорьев

Стреляй, как Людмила Павличенко!

Уважаемый товарищ редактор! Я решил написать вам о бесстрашном снайпере старшем сержанте Людмиле Михайловне Павличенко. Пусть вся страна узнает о героизме своей лучшей дочери. Своими ставшими боевыми делами Людмила Павличенко завоевала высокий авторитет среди снайперов, занимающих крепость Черного моря — Севастополь.

В Севастополе знают цену героизму. Но даже здесь боевые дела Людмилы Павличенко

выделялись. Мы все учились у нее. Людмила Павличенко, в совершенстве овладев снайперской винтовкой, разит врага без промаха. И Ленинско-Сталинский краснознаменный комсомол должен гордиться своей дочерью.

Покажу на практических примерах, как снайпер Людмила Павличенко борется с врагом. Однажды зоркая комсомолка заметила, что в густом кустарнике притаился немецкий наблюдатель. Наблюдатель был опытный, и поймать его на мушку было трудно. Людмила Павличенко набралась терпения и стала выжидать.

Вот немец выставил вперед металлическую каску. Она то лежала спокойно, то подпрыгивала, словно немец высовывал голову. Павличенко не поддавалась на провокацию. Некоторое время спустя по тропинке вдруг прошла домашняя кошка. Это было необычно. Неопытный стрелок мог бы отвлечься и начать глазеть на кошку, а немецкий наблюдатель тем временем сделал бы свое дело. Павличенко не спускала глаз с кустов. Прошло немного времени — появилась забавная собака, которая становилась на задние лапы. Павличенко и на нее не обратила внимания. Потом у молодого деревца прямо из-под земли выросло искусно сделанное чучело фашистского солдата. Чучело было в полной форме, с винтовкой. Это уже было интереснее: само по себе чучело выпрыгнуть не могло, — его мог поднять

только человек. Значит, немец именно здесь. Значит, он сейчас появится.

Но пуля и на этот раз осталась в патроннике. Людмила Павличенко терпеливо выжидала, когда немецкий наблюдатель выглянет сам. Видимо, с немецкой батареи торопили незадачливого корректировщика, которому все еще не удавалось сбить с толку советского снайпера и приступить к работе. Блеснул бинокль. Людмила Павличенко плавно нажала на пусковой крючок. Немец кинулся носом и покатился вниз.

— Сто пятьдесят восьмой. Будет больше!

«Будет больше!» Этот свой боевой девиз Людмила Павличенко повторяет каждый день. Едва рассветет, она поднимается и уходит на пост. Продвигаясь вперед осторожно и рассудительно, она внимательно изучает на местности каждый предмет. Эта предосторожность особенно важна для снайпера: Людмила прекрасно знает, как дорого немцы дали бы за ее голову.

Однажды почти у самого поста над головой Павличенко просвистали три пули — очередь из немецкого автомата. Молниеносно перебравшись на запасную позицию, выдвинутую вперед, Людмила Павличенко, наблюдая в бинокль, обнаружила фашистскую засаду: пять автоматчиков вышли на охоту за советским снайпером. Они замаскировались у дороги.

Павличенко вступила в поединок с ними.

Первым же выстрелом она сняла одного автоматчика. Остальные открыли по ней бешеный огонь. Не теряя хладнокровия, Павличенко взяла на мушку еще одного немца, уложила его, снова переменяла позицию и расправилась с третьим. Двое немцев, оставшихся в живых, были настолько потрясены этими тремя меткими выстрелами, что тут же бросились во-сво-яси. Но уйти удалось только одному: четвертая пуля Павличенко насмерть поразила четвертого немца.

Людмила собрала четыре автомата, обоймы, взяла документы убитых автоматчиков и доставила все это в часть. Раговорившись с друзьями, она вспомнила свою научную работу о Богдане Хмельницком, о его спокойствии, хладнокровии в часы смертельной опасности. «Вот бы мне такое, — сказала она товарищам. — А то ведь, сказать по правде, я волновалась».

А на рассвете, получив новую сложную боевую задачу, Людмила Павличенко вдвоем со снайпером Леонидом Киценко снова вышла на пост. Наши разведчики засекли командный пункт противника. Надо было подобраться к нему и нанести немцам наибольший урон. Отважные снайперы скрытно подобрались к цели и залегли, подстергая фашистов. Определив по направлению проложенных кабелей, где именно находится офицерский блиндаж, они точно рассчитали дистанцию и прицел.

Вот у командного пункта остановились двое немцев. Людмила Павличенко шепнула: «Пора», раздались два выстрела, и двое немцев рухнули на землю. К убитым подбежал унтер-офицер. Меткая пуля приковала и его к земле. Дверь блиндажа распахнулась, и оттуда выскочил офицер. Павличенко выждала, пока он поднялся наверх, и точным выстрелом уложила его.

В блиндаже, видимо, началась паника. Офицеры выскакивали один за другим, и каждого из них ждал один конец. Немцы попытались отогнать снайпера минометным огнем — не удалось. Потеряв группу офицеров, наблюдателей и связных, немцы покинули командный пункт.

Вот так отважная комсомолка старший сержант Людмила Михайловна Павличенко воюет изо дня в день. Она в совершенстве владеет своим оружием.

У Людмилы Павличенко хранится диплом, выданный ей Военным Советом Н-ской армии. В нем сказано: «Диплом дан старшему сержанту Павличенко Людмиле Михайловне в том, что она является снайпером-истребителем немецко-фашистских оккупантов. На 6 апреля 1942 года тов. Павличенко уничтожила 257 фашистов».

Я рад сообщить читателям, что сейчас Павличенко уничтожила уже 309 немцев. И она повторяет: «Будет больше!»

Старший политрук М. Козут

Наша Маруся

В комнату, освещенную керосиновой лампой, вошла высокая стройная девушка.

— А вот и наша Маруся, — сказал сидевший рядом с нами командир и участливо спросил: — Ну, как рука?

Маруся слегка улыбнулась, бросила взгляд на забинтованную правую руку и спокойно ответила:

— Ничего, скоро опять пойду фрицев бить!

Ей двадцать лет. Глаза ее искрятся юношеским задором. Самый интересный год жизни — двадцатый. Но Маруся очень неохотно рассказывает о себе, о том, что сделала она за время войны. Ей кажется, что любая советская девушка должна поступить точно так, как поступила она.

Простая, скромная, Маруся заслужила себе немеркнущую славу. О ней говорят на всех участках фронта, ее любят настоящей товарищеской любовью. Да и можно ли не любить и не уважать такую девушку?

Маруся пришла в часть, когда фронт приближался к Севастополю. В прошлом служащая кооператива, она хотела вместе с бойцами Красной Армии, вместе с моряками защищать Севастополь. На нее посмотрели сначала с недоверием.

— А что ты умеешь делать? — спросил командир.

— Санитаркой могу быть, бойцов перевязывать. Я на курсах училась, — бойко ответила девушка.

— Ну, что же, оставайся — согласился он.

Дали ей красноармейскую форму, санитарную сумку. Бойцы заботливо учили ее, как вести себя в бою. Некоторые предостерегали: не суйся в огонь!

— Это как понимать? А если раненый в этом огне? — возразила девушка.

...С рассветом немцы полезли на высоту. Наши бойцы отбивали яростные атаки врага. Завязалась жаркая схватка. Под пулями, рвущимися минами, снарядами Маруся выносила раненых. Она впервые увидела бой, но не дрогнула. Маруся отыскивала раненых, делала на месте перевязку и потом ползком перетаскивала их в безопасное место. Люди поражались смелости этой девушки. Увлеченная своей работой, она не замечала опасности.

Бой за высоту продолжался несколько дней. Враг понес большие потери, были потери и у нас. Маруся не спала ни днем, ни ночью. Много жизней спасла в этом бою юная защитница Севастополя.

В дни декабрьских сражений она, пробираясь по полю, слышала легкий стон. Подползла. Младший лейтенант Зайцев, тяжело раненный в голову, спину и ноги, истекал кро-

вую. Вокруг рвались снаряды, градом сыпались пули, осколки. Девушка с санитарной сумкой прижалась к земле. Она оказала первую помощь командиру, взвалила его на спину и понесла. В глазах лейтенанта светилась благодарность, но он ничего не мог сказать, только сжал ее руку. Зайцев долго лечился в госпитале, а когда вернулся в часть, первым делом разыскал девушку, которая спасла ему жизнь.

— Спасибо, Маруся, — сказал он. — Ты настоящая, севастопольская...

Сотни раненых бойцов и командиров с их оружием вынесла Маруся Байда с поля боя. Многие из них присылают ей письма из госпиталя, а когда возвращаются, стараются разыскать, сердечно благодарят...

После этих боев перевели Марусю в штаб части.

Но здесь дело явно не клеилось. Она привыкла к боевым будням батальона, и спокойная штабная работа тяготила ее. Через несколько дней Маруся обратилась к командиру. «Только не в батальон, — просилась она, — хочу стать разведчицей».

Уж очень нравилась ей боевая работа разведчиков. С замиранием сердца слушала она рассказы о дерзких вылазках в стан врага, о том, как разведчики добывают ценные сведения о противнике, уничтожают гитлеровцев.

Командир долго отговаривал девушку, но ее настойчивость победила.

— Что же, раз хочешь — иди: девушка ты боевая, — тепло сказал он и крепко пожал ей руку. Ему нравились эта настойчивость, боевой порыв и смелость.

Комсомолка Байда пришла к разведчикам. Встретили ее приветливо, стали обучать своему боевому делу.

Однажды ночью с группой опытных бойцов Маруся пошла в разведку. Осторожно Маруся пробиралась в стан врага, ни на шаг не отставая от товарищей. Вскоре ее с несколькими разведчиками оставили для прикрытия. Она расположилась у проволочного заграждения. Когда основная группа уже возвращалась, немцы открыли ружейно-пулеметный огонь. Ответив на огонь огнем, прикрывающая группа вступила в бой с врагом. Свинцовым дождем из автомата поливала немцев и Маруся.

В часть вернулись под утро. Разведчики хвалили Марусю, поздравляли с первым боевым крещением. С тех пор Маруся стала разведчицей. Она была и другом и настоящим боевым товарищем бойцов.

...В эту темную севастопольскую ночь Маруся, как и все бойцы, не спала. Все знали — с рассветом немцы начнут штурм города. Не смыкая глаз, Маруся пролежала в боевом охранении. Было еще совсем темно, когда противник открыл сильный артиллерийский огонь

по переднему краю. Маруся, старшина 2-й статьи Мосенко и еще несколько бойцов побежали вдоль траншеи.

— Мы выскочим наверх, а ты оставайся и следи, — сказал моряк. Девушка согласилась. Из глубокой траншеи она пристально наблюдала за поведением противника. От вражеских снарядов и бомб наш передний край был закрыт стеной дыма. Используя эту завесу, немцы пошли в наступление.

Пора начинать! Маруся, Мосенко и еще два бойца, все с автоматами (у Маруси трофейный, немецкий), укрылись за кустом и стали косить немцев. Вот она заметила, как группа вражеских автоматчиков просочилась в сад. Сообщила командиру, и четверо разведчиков уничтожили всех фашистских автоматчиков.

Враг наседал. У Маруси кончились патроны. Но девушка не растерялась, прыгнула в траншею к раненому бойцу, перевязала его, взяла его патроны и вновь появилась на линии огня. Спокойно целясь, она била без промаха.

Немцы приближались с двух сторон. Маруся вела огонь по одной группе, Мосенко — по другой.

— Ну, как дела, Миша? — спросила Маруся.

— Хорошо, — ответил он, — а у тебя?

— Урожай хороший, счет потеряла.

— Ладно. Считать после будем, — улыбнулся моряк.

И опять застрочили автоматы.

Группы фашистов разбиты, те же, кто уцелел, удрали. Но Маруся заметила: немецкий офицер соскочил в канаву. Прицелилась, ждет. Когда фашист поднялся, чтобы взобраться наверх, затрещал автомат, и офицер рухнул в канал. К нему подполз здоровый рыжий солдат. Хотел унести офицера, но от меткого выстрела Маруси Байда замертво свалился сам.

В это время четыре гитлеровца стали окружать нашего бойца. Это заметила Маруся.

— Миша, я стрелять буду, надо выручать, — сказала она.

— Трудно, в своего попадешь.

— Не промахнусь!

Прицелилась. Дала меткую очередь. Три фашиста замертво упали, четвертый был ранен. Маруся вырвала нашего бойца из рук врага.

Прижимаясь к земле, три немца ползли к нашим окопам. Они уже совсем близко. Патронов мало. Маруся приподнялась, бросила гранату. Все трое больше не поднимались.

В траве показалась черная голова. Маруся подумала, что ползет наш боец. Но вот голова поднялась выше, показались плечи, на них погоны. «Немец!» — чуть не вскрикнула Маруся. Он уже в нескольких шагах от нее, ползет. Маруся не стала стрелять. Протянула руку — да немецким автоматом по немецкой голове. Гитлеровец умолк навсегда. Позже, в рукопа-

шной сивилке прикладом автомата Маруся уничтожила еще троих немцев.

Днем в жаркой боях возле Маруси разорвалась вражеская граната. Осколки впились в правую руку, в лицо. Кровь текла по лицу, рука не действовала. Подбежал боец, сделал перевязку, и вновь Маруся, теперь уже левой рукой, продолжала уничтожать немцев.

Стемнело. Кругом немцы. В траншее несколько наших раненых бойцов. Возле них Маруся и моряк Мосенко. Остаться здесь бесполезно. Теперь надо умело выйти из вражеского кольца. Но как?

— Я выведу вас. Дорогу я знаю, — сказала Маруся.

Люди доверяли ей свою судьбу. Она шла впереди всех. Несколько часов пробирались бойцы к своей части. По дороге, среди кустов, услышали стон. Маруся прислушалась. Раненый оказался старшиной одной из наших частей. Байда подняла его и сказала:

— Осторожней ведите его, товарищи.

Глубокой ночью пришли они к переднему краю обороны.

В госпитале Маруся пробыла несколько дней.

Она ушла в свою часть. И в тот день, когда она вновь громил фашистов, Севастопольский фронт облетела радостная весть: Марии Карповне Байда присвоено звание Героя Советского Союза.

Фрося

У кругого причала метались вспененные волны, обжигая солеными брызгами обветренные лица моряков. Ветер кружил и рвал ленты бескозырок, цеплялся за ванты и с диким свистом летел дальше по узкому рукаву бухты.

Несотрывно глядя на море, на корабли, стояли краснофлотцы. Впереди родное море, за спиной — родная земля.

Кто-то расстегнул узкий ворот бушлата, нагнул на глаза бескозырку. И среди умолкнувших голосов вдруг поднялся один — ровный, красивый и звучный:

— Прощай, свободная стихия!
Последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой...

Котельный машинист, угрюмый и молчаливый, вдруг не вытерпел, крикнул:

— Не прощай, а до свиданья!

И лица всех оживились, повеселели.

— Пошли! — раздались голоса. Тут кто-то вспомнил:

— А Фрося?

— Верно, как же наша Фрося?

— Все беды с нами делила, — оставлять нельзя!..

Командир подошел к стыдливо покрасневшей девушке:

— Фрося!

— Слушаю, товарищ старший лейтенант.

— Как же быть-то?

— Домой пойду. Куда же...

— Что ты, Фрося! Нет, уж вместе быть.

И Фрося пошла с моряками отстаивать родной Севастополь, делить радости и горести суровых военных будней так же, как делила их когда-то Даша Севастопольская.

За комендорами по кривым улицам Корабельной стороны шагали котельные машинисты Мельник и Гребенюк, дальномерщик Алексеев. И никто из них не спросил: куда идем, что будем делать? Все знали — идем защищать Севастополь.

Молча поднялись по крутому склону на вершину Малахова кургана, к каменистым стенам старой башни. Поднялись и остановились.

Кажется, ветер еще доносит запах пороха, сквозь узкие щели амбразур вспыхивает пламя штурцеров. Поручик с тридцатью солдатами и несколькими матросами, закрывшись в башне кургана, сражается не на жизнь, а на смерть. Враги обкладывают башню хворостом, зажигают, а защитники башни отвечают выстрелами. Вот подкатывают орудие и, зарядив его, стреляют гранатой в дверь. А они, защитники Севастополя, отвечают ружейным огнем...

— Здесь будет батарея, — сказал командир,

и краснофлотцы, рассыпавшись по кургану, приступили к работе.

Они вгрызались в камень, копали щели, клали печи, оборудовали кубрик, носили чайниками воду из Комсомольской балки, устанавливали орудия.

Больше всех старалась Фрося. В форменке, в брюках, перетянутых краснофлотским ремнем, с лихо заломленным беретом на русой голове, она поспевала всюду. Ходила за водой, тянула линию, проверяла электросеть...

* * *

Белым покровом лежит на кургане снег, прикрыв воронки от вражеских бомб и снарядов. Только вчера вечером взрывной волной перебило линию. Связисты Захаров и Кокин, молча, надев бушлаты, ушли ночью искать обрывы. Не спала и Фрося — бывший электрик завода, до трех часов дежуря у телефона. Утром в указанное время линия была исправлена. Батарея вновь была готова открыть огонь.

Закончив вычисления, Матюхин передал:

— Орудия зарядить!

— Орудия зарядить! — повторяет Фрося, и чей-то далекий голос вторит ее словам.

Гремят над курганом артиллерийские залпы, со свистом проносятся снаряды, преграждая путь фашистским танкам, уничтожая их.

Пусто в кубрике. Краснофлотцы на позиции.

С нетерпением ждут очередной команды командиры орудий старшина 2-й статьи Дорошев и старший краснофлотец Полозков. Точно устанавливают данные краснофлотцы. Быстро подает снаряды краснофлотец Алексеев.

— Надо стрелять так, как в прошлый раз, чтобы в окопах бойцы аплодировали.

— Люблю я свою батарею, — говорит командир, по окончании стрельбы откладывая в сторону линейку и карту.

В кубрик на завтрак собираются бойцы. Помолчав, командир посмотрел на политрука Моисеева:

— Вы спрашиваете, кто лучше работает. Я затрудняюсь ответить. — Он мельком взглянул на расписание. — И Гребенюк, и Мельник, и главный старшина Гриднев, и радист Хрущев, и лейтенант Лукашев, да и кок наш... Даже неудобно говорить об отдельных людях. Тут вот что нужно учесть: ведь мы с одного корабля, вместе жили, одной закалки.

— А Фрося?

Она, покраснев, выбежала из кубрика.

Заговорили все сразу, наперебой:

— Золото, а не человек!

— И моет, и стирает, и по связи, и раненых перевязывает...

Матюхин даже развел руками.

— Одним словом, молодец наша Фрося! — пылко поясняет лейтенант Лукашев.

Командир наклоняется и шопотом добавляет:

— Я сам сначала думал: ведь это — молодежь, и вдруг одна девушка. А ведь как ее бойцы уважают, слушают. Крикнет Фрося, и все смолкло.

— Беспокойная такая, — вставляет политрук. — Однажды во время стрельбы она у орудий была. И что-то там с подачей получилось. Ухватила она снаряд и тащит. Командир орудия Полозков кричит на нее:

— Брось, ты. Не женская это работа!

А она ему:

— Что я без дела буду стоять?!

— Вот она у нас какая, Фрося!

* * *

...В кубрик вошла Фрося.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите идти за медикаментами, да и проведать надо в госпитале нашего раненого.

Она держала в руках узелок.

— А это что?

— Белье бойцов, постирать несусь.

— Кому, Фрося?

— Маме. Мама говорит: что ж, раз надо, постираю.

В это время один из краснофлотцев подал лейтенанту Лукашеву новые сапоги.

— Выписал вам, товарищ лейтенант, носите! — Лукашев гордо вертел в руках сапоги,

примерял их, а потом, улыбнувшись, подошел к девушке:

— А ну-ка, Фрося, попробуй, тебе они как раз будут, а мне что-то в подъеме жмут. — И, поглядев на ее сапоги, добавил: — Твои-то совсем побились.

Фрося надела новые сапоги.

— О! — восторженно проговорил Лукашев. — Видишь, как будто бы на тебя и шли. Вот и носи на здоровье!

Старший лейтенант сел за расчет новых данных. Батарея готовилась к стрельбе.

Хамадан

Дочь русского народа

Нина Онилова, комсомолка-пулеметчица, еще в Одессе прославилась мужеством и отвагой. Двадцатилетняя девушка-доброволец, она проявила недюжинные способности и выдержку воина. На подступах к Севастополю слава ее упрочилась, вокруг имени ее начали складываться легенды. Сама же она попрежнему оставалась скромной девушкой, с круглым лицом, ясными смеющимися глазами.

Это была маленькая одесская комсомолка, истребившая огнем своего пулемета более пятисот немцев и румын.

Август в Одессе, жаркий, знойный. Худенькая, невысокая девушка в легком платье,

Отважная пулеметчица
комсомолка **Нина Онилова**,
награжденная орденом **Кухарко Виталия**

раскрасневшаяся, взволнованная, переступила порог райвоенкомата.

— Вот и еще одна пришла! — ворчливо сказал военком.

— Так я же пулеметчица, всю программу прошла, вот значки, справка...

Военком подумал, кивнул:

Так Инна Ошолова добила¹сь своего. Она ушла на фронт в тот же день. У Инны не было родной семьи — круглая сирота. Но друзей было много. Провожали сердечно, ласково:

— Ты, Инна, не подкачай там! Тебя только одну взяли, — говорили комсомолки.

— Будь бесстрашной, дочка, — сказала старая работница, поцеловала Нину в губы и по-стариковски перекрестила ее.

Быстро промелькнули первые фронтовые дни. Люди привыкают к грохоту и лязгу стали, к огню и дыму сражений. Привыкла и Инна Ошолова. Меткая, аккуратная, смелая, она пришлась по душе бойцам и командирам. Ее сразу прозвали «нашей Анкой».

Весть о том, что в таком-то батальоне сражается «Анка-пулеметчица», вскоре облетела всю армию. В батальон забегали командиры и бойцы посмотреть на нее:

— Где у вас здесь «Анка-чапаевская»?

Узнать Нину Ошолову было трудно. Юноша в гимнастерке, шароварах и сапогах, с коротко, по-мальчишески, остриженными волосами

не был похож на комсомолку Нишу. Только голос, мягкий и мелодичный, выдавал ее, да неизменная улыбка, обнажавшая маленькие белые зубы.

Была ночь. Косые струи дождя хлестали землю. Она сделалась липкой, вязкой. Ниша набросила плащ-палатку на себя и на своего «максимчика». Она припала к нему, устремив взгляд в непроглядную южную ночь.

Далеко позади родная Одесса. Враг рвется к ней. Варварски бомбят ее немецкие, румынские, итальянские летчики.

Тяжело на душе в такую черную ночь. Ниша стискивает зубы, ее маленькие ладони крепче сжимают рукоятки пулемета. Вдруг тишину взрывают удары тяжелых вражеских минометов. «Значит, скоро пойдут в атаку», — думает Ошилова. И чувствует, как тяжелеет кровь и как удары сердца делаются глухими. Так приходит ярость. Нет Ниши Ошиловой — фанговщицы с фабрики. Прижав к пулемету, лежит гневная патриотка — боец Красной Армии, готовая к смертельному бою с ненавистным, заклятым врагом.

Впереди застрекотали автоматы, уже слышны крики атакующих.

— Ну, давай, начинай, — нетерпеливо кричит Ошиловой один из бойцов ее пулеметного расчета.

Но она не отвечает. Чужие голоса все ближе. Очереды автоматов стучат громко, точно

стреляют над ухом. Только когда глаз выхватил из темноты силуэты идущих в атаку врагов, внезапным и сильным огнем комсомола Нина Онилова начала свой первый настоящий бой.

Очередь за очередью — то длинная, то короткая, то ниже, то выше. Огненные струи яростно хлещут вопящих, падающих и еще бегущих по инерции врагов. Бойцы расчета с трудом поспевают за пулеметчицей. Утихают автоматы, больше не слышно чужих голосов.

Утром Нина увидела свою работу: десятка чстыре солдат и офицеров валялось в ложине.

Только начало! — заявила она.

Теперь надо сказать правду. Девушку Нину Онилову ласково приняли в батальоне. Но многие до этого ночного боя не верили, что женщина может быть стойким и суровым воином. Теперь, после боя, подлинная боевая слава осенила юную пулеметчицу.

Случилось так, что батальон, в котором сражалась Нина, включили в состав легендарной Чапаевской дивизии. Так пылкая девичья мечта претворилась в жизнь.

...Артиллерийский, минометный огонь. Гудит земля, знойный воздух стал горьким от порохового дыма. Нина сказала бойцам своего расчета:

— Даже земля плачет. Ну, уж попомнят нашу землю, крепко попомнят!

Лежавший рядом с Ониловой боец Забродин вдруг попросил:

— А ты спой хорошую песнь, веселей будет!
И Нина запела:

Письмо в Москву,
в любимую столицу,
Я другу сердца нежно написал...

Она вдруг забыла слова этой песни. Родились новые слова, непроизвольно выпеваемые самой душой:

Хранить страну, семью свою родную
Я кровью сердца милой обещал.

А мины ложились все ближе, противно лопаясь. Неподдалеку был ранен лейтенант. Нина быстро перетащила его в кусты и перевязала. Лейтенант умирал. Он пожал ей руку. Потом отстегнул кобуру и передал пистолет.

— Храни, Анка, не забывай, — чуть слышно прошептал он.

Нина погладила его по голове и, склонившись, поцеловала в губы. Лейтенант приоткрыл глаза. Его угасающий взгляд долго покоился на лице Ониловой.

Ползком, плача, вернулась она к своему пулемету. В это время справа, со стороны леса, показались фашистские головорезы.

— Анка, стегни их...

И Анка стегнула. Из глаз ее все еще бежали слезы. Опять, как в ту памятную ночь,

«максимчик» без устали хлестал металом, убойным огнем. Поредели фашистские ряды, атака выдохлась.

Шесть раз подряд ходили немцы и румыны в атаку на пулеметное гнездо Нины Окиловой. А девушка-пулеметчица думала о Павле Семыкине, которого она поцеловала и который теперь умирал неподалеку от нее, в кустах.

Фашистов было теперь заметно меньше. Выйдя на скат холма, они начали стрелять из винтовок и автоматов. Кто-то около Нины глухо вскрикнул и скатился с холма. Она не оглянулась. Слезой, застилавшей глаза, она отмеривала расстояние, отделявшее ее от фашистов: 70, 60, 50, 40 метров. Нина дала долгую очередь. Она водила дуло пулемета из стороны в сторону на одном уровне — по пояс атакующим. Она смотрела, как тычутся немцы и румыны в землю, точно подрезанные острой косой. Оставшиеся в живых побежали, поползли обратно в лощину.

Пулеметчица облегченно вздохнула. Она слышала воющий звук мины и подняла голову. Что-то тяжелое ударилось в землю. Нину засыпало. Она быстро стряхнула с себя землю, хотела подняться, но почувствовала слабость, улыбнулась.

Забродин крикнул:

— Анка, жива?

— Вполне, — сказала она.

Но кровь бежала по ее лицу: один осколок

попал в голову, другой задел ухо. Ее отправили в госпиталь. Вывезли из Одессы.

...После затишья прозрачный воздух опять наполнился артиллерийским громом.

Встают чапаевцы и устремляются вперед, на передний край немецкой обороны. Девушка в матросской тельняшке, припав к пулемету, хлещет яростным огнем, прижимая врагов к земле, не давая им поднять головы.

Девушка поддерживает огнем своего пулемета стремительную атаку чапаевцев. Когда пехотинцы продвигаются дальше, девушка быстро и решительно командует бойцам своего расчета:

— На новую огневую позицию! — И первой бежит вперед.

Атака завершилась удачей. Заняты новые сопки, важная высота. К Нине Ониловой приезжают командиры. Они тепло жмут ей руки и благодарят маленькую веселую пулеметчицу за службу, за воинскую доблесть.

Война дала Ониловой громадный боевой опыт, закалила ее. Сержант Красной Армии Нина Онилова — командир пулеметного расчета. К ней приходят молодые пулеметчики — подучиться.

Недавно «Анку-пулеметчицу» вызвали в Военный совет — ее наградили боевым орденом «Красное Знамя». Принимая награду, доблестная защитница Севастополя кратко и убедительно сказала:

— Я не умею говорить речи, но с фашистскими собаками я умею хорошо «разговаривать» языком моего пулемета.

Прошли дни.

Нина лежала в каменной пещере с высоким потолком. Глаза ее были закрыты. Лицо бело, как простыня. Она не двигалась, не стонала. Казалось, что она уже умерла. Но она была жива. Жизнь еще теплилась в ней, еще боролась со смертью.

На столике возле кровати лежал сверток. В нем были «Севастопольские рассказы» Толстого, ученическая тетрадь, пачка писем, адресованных Нине Ониловой из различных городов.

Первые страницы тетради были исписаны рукой Ониловой. Она, очевидно, внимательно прочла рассказы Толстого о Севастополе: многие слова и строки были подчеркнуты карандашом, на полях книжки стояли восклицательные знаки, кое-где слова:

«Правильно!»

«Как это верно!»

«И у меня было такое же чувство!»

«Не надо думать о смерти, тогда очень легко бороться. Надо понять, зачем ты жертвуешь своей жизнью. Если для красоты подвига и славы — это очень плохо. Только тот подвиг красив, который совершается во имя народа и Родины. Думай о том, что борешься за свою жизнь, за свою страну, и тебе будет

очень легко. Подвиг и слава сами придут к тебе».

Тетрадь начиналась словами Л. Толстого:

«Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...»

И здесь же, на той же странице, были написаны рукой комсомолки Опиловой такие строки:

«Слава русского народа — Севастополь.
Храбрость русского народа — Севастополь.
Севастополь — это характер русского советского человека. Советский Севастополь — это героическая и прекрасная поэма великой отечественной войны. Когда говоришь о нем, не хватает ни слов ни воздуха для дыхания. Сюда бы Льва Толстого. Только такие русские львы и могли бы все понять. Понять и обуздать, одолеть, смирить эту бездну бурных человеческих страстей, пламенную ярость, ледяную ненависть, мужество и героизм, доблесть под градом бомб и снарядов, доблесть в вихре пуль и неистовом лязге танков. Он придет, новый наш Лев Толстой, и трижды прославит тебя, любимый, незабываемый, вечный наш Севастополь».

В конце тетради — недописанное письмо, адресованное Ниной героине кинофильма «Чапаев»:

«Я не знакома с вами, товарищ, и вы меня обвините за это письмо. Но с самого начала я хотела написать вам и познакомиться. Я знаю, что вы не та Анка, не настоящая чапаяевская пулеметчица. Но вы играли, как настоящая, и я вам всегда завидовала. Когда случилась война, я была уже готова, ждала на «оглично» пулеметное дело. Я попала, — какое это было счастье для меня, — в Чапаевскую дивизию, ту самую, настоящую. С виду я, конечно, очень слабая, маленькая, худая. Но я вам скажу правду: у меня ни разу не дрогнула рука. Первое время я еще боялась. Когда защищаешь дорогую, родную землю и свою семью (у меня нет родной семьи, и поэтому весь народ — моя семья), тогда делаешься очень храброй и не понимаешь, что такое трусость».

Письмо это осталось недописанным.

За жизнь славной девушки шла упорная борьба. Из батальонов, полков и дивизий звонили каждые пять-десять минут. Всех беспокоила, волновала судьба героической пулеметчицы. Медсестра, дежурившая у телефона, в огчянии сказала:

— Я не могу больше отвечать на эти звонки! Люди хотят услышать, что ей легче, а я должна огорчать их — говорить, говорить, что ей все хуже и хуже...

Поздно ночью крупнейший специалист профессор Кофман дрожащим голосом сказал:

— Все средства испробованы. Больше ничем помочь нельзя.

Очнувшись от забытья, Нина Онилова сказала:

— Я знаю, что умираю, и скажите всем, чтобы не утешали меня.

В госпитальной палате, склонившись над постелью Ониловой, стоял командующий. Он смотрел Ониловой прямо в глаза, и она отвечала ему таким же пристальным взглядом. Генерал тяжело опустился на стул, положил руку на лоб Ониловой, погладил ее волосы. Тень благодарной улыбки легла на ее губы.

— Ну, дочка, повоевала ты славно, — сказал он чуть хрипловатым голосом. — Спасибо тебе от всей армии, от всего нашего народа. Ты хорошо, дочка, храбро сражалась.

Боевой генерал говорил негромко, наклонившись теперь к самому лицу Ониловой, и поцеловал ее. Нина закрыла глаза, улыбка шевельнула ее губы и застыла навсегда.

В палате вдоль стен стояли пришедшие проститься с «чапаевской Анкой» боевые командиры-приморцы. С влажными глазами они подходили к постели Ониловой и целовали ее — своего верного и бесстрашного боевого соратника.

Боевые подруги

Таню — веселую уборщицу с одного нашего славного торгового судна — хочется мне вспомнить сегодня. Она плавала с нами, когда мы уходили в далекий опасный рейс. Я не знаю, где она сейчас, но если бы встретились сегодня, нам было бы что вспомнить. Мы припомнили бы, как у далеких чужих берегов охотились за судном, кружась над его мачтами, первые черные птицы вступающего в войну фашизма. И те, кто был в грозные часы на нашем теплоходе, могли бы засвидетельствовать перед вами, как мужественно вела себя под чужим небом, у незнакомых берегов худенькая девятнадцатилетняя девушка. Рассказали бы они и о той напряженной, звенящей, как струна, воле, которая слышалась в каждом слове этой девушки, когда она отвечала на допросах в старой средневековой тюрьме, куда были брошены средиземноморскими пиратами моряки нашего потопленного теплохода.

В шинели и меховой шапке, под которой спрятана коса, в пожарной каске на крыше высокого дома во время воздушной тревоги, в халате медицинской сестры, с обнаженной рукой на донорском пункте, в рабочей спецовке у станка, заменяя ушедшего на фронт мужа, — деловито, просто, с женской аккурат-

ностью творят наши подруги великие дела, помогая фронту, приближая своим трудом и героизмом час победы. И мир восхищается ими, и страна гордится своими дочерьми.

По праву гордятся ими, верными боевыми подругами, и моряки Военно-Морского флота. С любовью говорят бойцы одного из отрядов морской пехоты Черноморского флота о Марусе Подобедовой. Сколько раненых бойцов вынесла она из-под огня! Была неделя, когда она спасла жизнь тридцати морякам. Однажды она попала со своей ротой в окружение. В лазарете у Маруси лежало девять тяжело раненных бойцов. Подобедова ни к кому не обратилась за помощью, — сама вытащила восьмерых раненых в безопасное место. Остался один — последний. Он был тяжело контужен и сам не мог двигаться. Маруся взвалила раненого к себе на плечи и поползла с ним. Ни один раненый боец из ее маленького полевого лазарета не достался врагу.

Славные защитники Севастополя, моряки-артиллеристы Малахова кургана, расскажут вам о своей отважной связистке — 17-летней Фросе Радичкиной. Севастопольские моряки подружились с Фросей еще на корабле. Она пришла с завода вместе с товарищами по цеху и ремонтировала электрооборудование эсминца. И вместе с моряками-батарейцами пришла она на Малахов курган — место, овеянное славой. Она слышала о героизме тех

дней; не раз волновали ее рассказы о Даше Севастопольской. И стал очень близок для советской девушки Фроси образ героини севастопольской эпопеи. Фрося готова была выполнить любое боевое задание. Вот выбыл из строя подносчик снарядов у одного из орудий, и Фрося в час тревоги уже стоит на его месте. Оборвался где-то провод связи, и темной морозной ночью Фрося находит повреждение и помогает бойцам устранить его. Кружатся над батареей фашистские самолеты, грохочут взрывы. Осколками ранены два бойца, и спешит к ним Фрося, теперь уже с санитарной сумкой, и ловкие руки ее перевязывают раненых.

Доброе слово помянут советские моряки работницу Одесской швейно-трикотажной фабрики комсомолку Нину Онилову. С едва зажившей раной, шрам от которой не скрыть сдвинутой на левый висок пилоткой, вернулась эта храбрая девушка в свой отряд. Бережно хранила она в левом кармане гимнастерки комсомольский билет, серая обложка которого впитала кровь, пролитую ею в бою. И в бою с врагом отдала бесстрашная Нина свою жизнь.

Около двадцати человек спасла черноморская медицинская сестра Аня Гришанкина. А когда бросилась под губительный огонь немецких автоматов спасти двадцатого, — исчезла...

Спадал жар боя, затихали отдельные схват-

ки, моряки и пехотницы крепко держали занятый рубеж. Только Аня нигде не было. «Где же наша девушка?» — спросил командир. Поиски ни к чему не привели. Но вдруг закричал один из бойцов: «Вон, вон ползет!» Он указал рукой. И увидели моряки, как к расположению войск противника, по-пластунски прильнув к земле, ползет, пробирается девушка. Там, вблизи вражеских окопов, истекал кровью раненый боец. Замерли моряки: было видно, как били немцы из автоматов по отважной девушке. Но она умело спряталась за небольшой бугорок. За этим крохотным прикрытием, не поднимая головы, Аня перевязала раненого, и, прихватив его винтовку, сантиметр за сантиметром подтаскивая за собой спасенного бойца, она приползла к расположению отряда. Раненого приняли выбежавшие навстречу моряки. И только тут заметили, что Аня сама ранена немецкой пулей.

В грохоте ожесточенной борьбы, в огневом накале боев бесконечно дороги каждому бойцу, где бы он ни сражался — на суше или на море, это спокойное мужество, застенчивая строгая теплота, скромный героизм смелых дочерей родины.

Слава им!

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. <i>С. Любимов</i> — Мы не забудем тебя, Таня! . . .	1
2. <i>П. Лидов</i> — Кто была Таня	8
3. <i>Л. Т. Космодемьянская</i> — Отомстите за мою дочь	17
4. <i>Н. Кавская</i> — Жизнь и подвиг Лизы Чайки- ной	20
5. <i>Н. Морозов</i> — Дочь Ленинско-Сталинского ком- сомола	26
6. <i>Б. Лавренев</i> — Людмила Павличенко	30
7. <i>В. Григоров</i> — Стреляй, как Людмила Павли- ченко!	39
8. <i>М. Козут</i> — Наша Маруся	44
9. <i>А. Баковиков</i> — Фрося	51
10. <i>Хамадан</i> — Дочь русского народа	56
11. <i>Л. Кассиль</i> — Боевые подруги	68

Отзывы об этой книге и предложения по изданию серии «Фронтовая библиотека краснофлотца», а также свои дневники, записи боевых эпизодов, очерки, рассказы, стихи и песни Военно-Морское Издательство просит присылать по адресу: Москва, 22, Малая Грузинская, д. 6.

Военмориздат

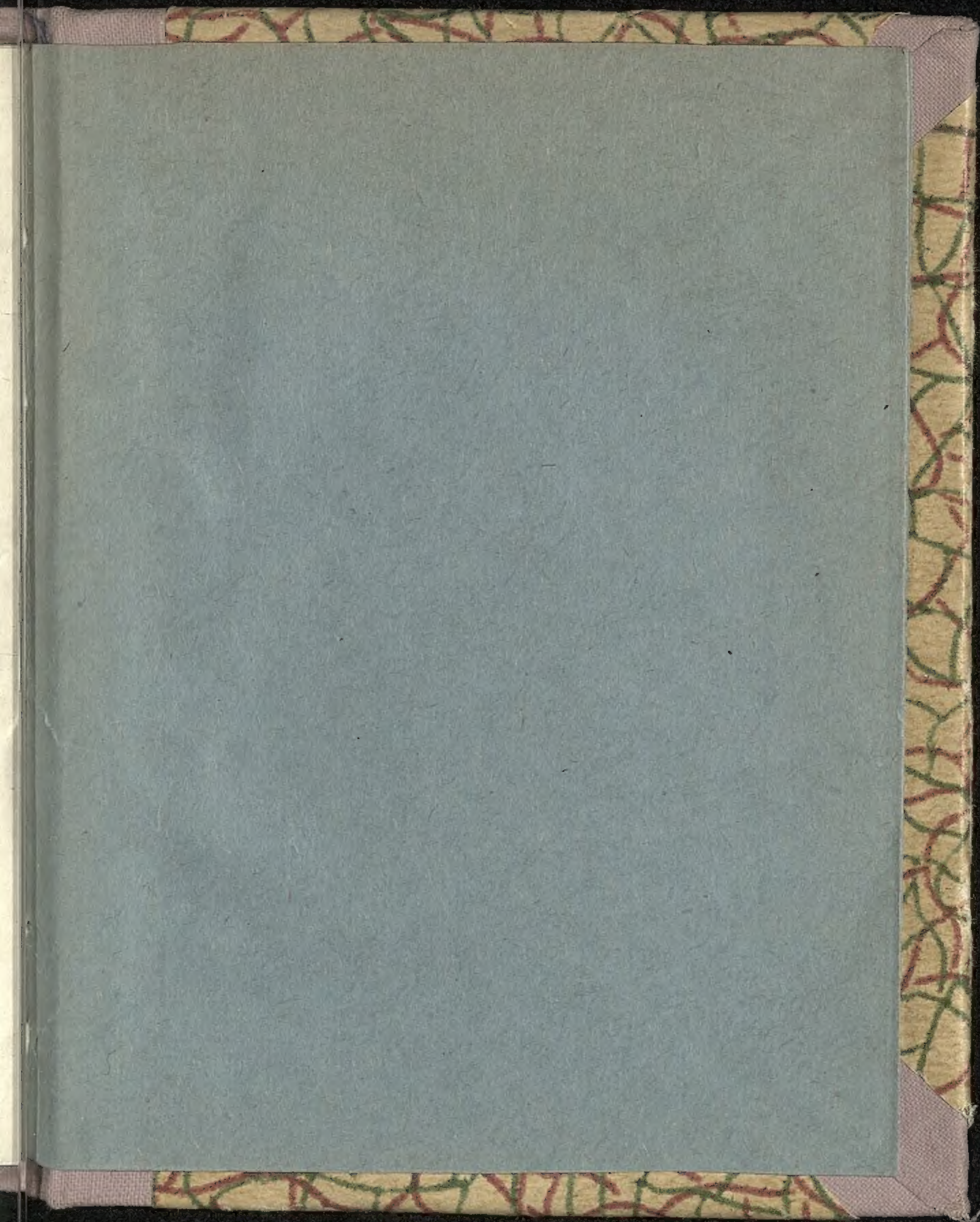
Редактор М. Эгарт

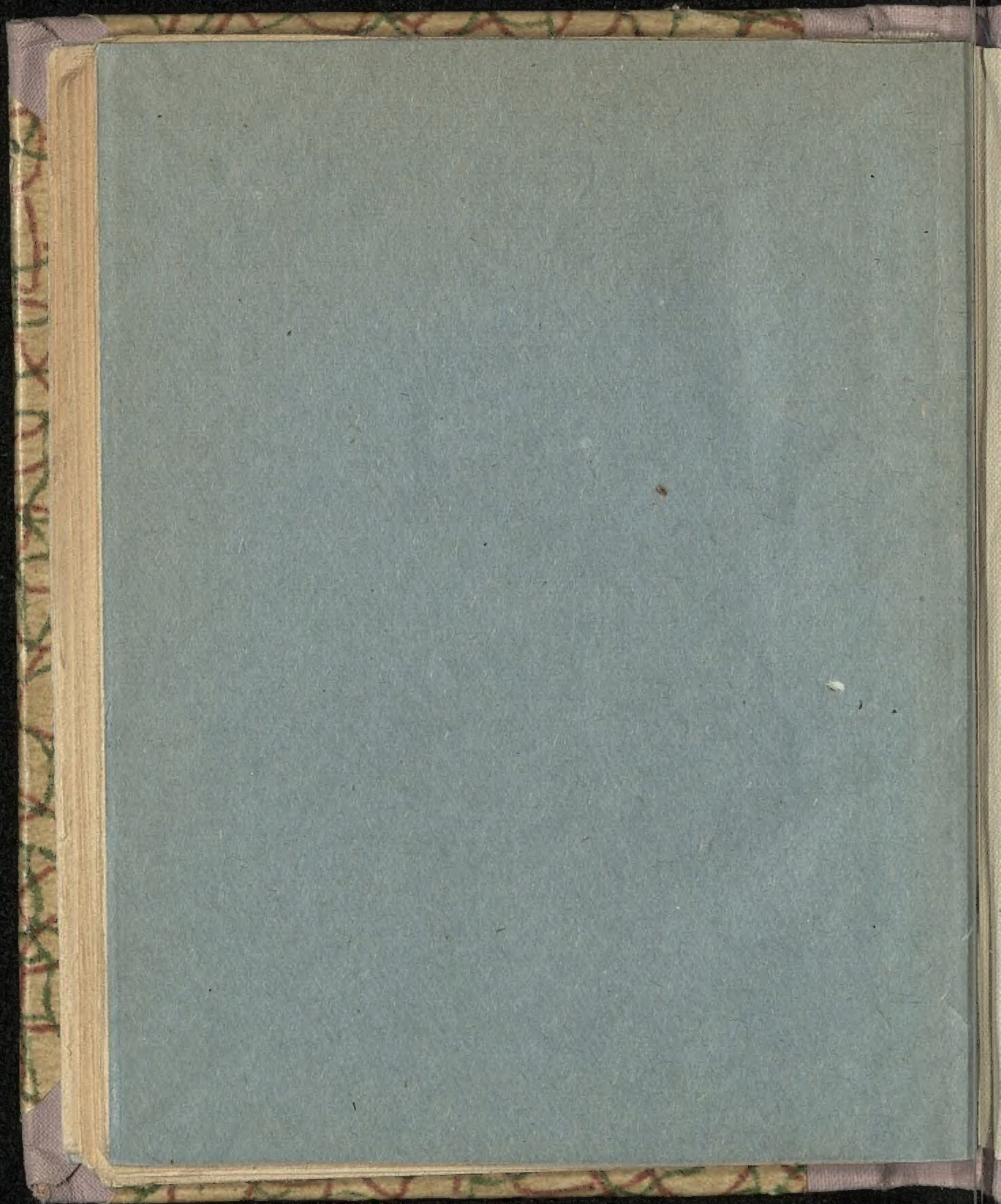
Подписано в печать 21/XI 1942 г. ГМ 32003. Печ. л. 2 $\frac{1}{4}$.
Печ. зн. в 1 печ. л. 43320. Уч.-авт. л. 2,2. Заказ 3342.

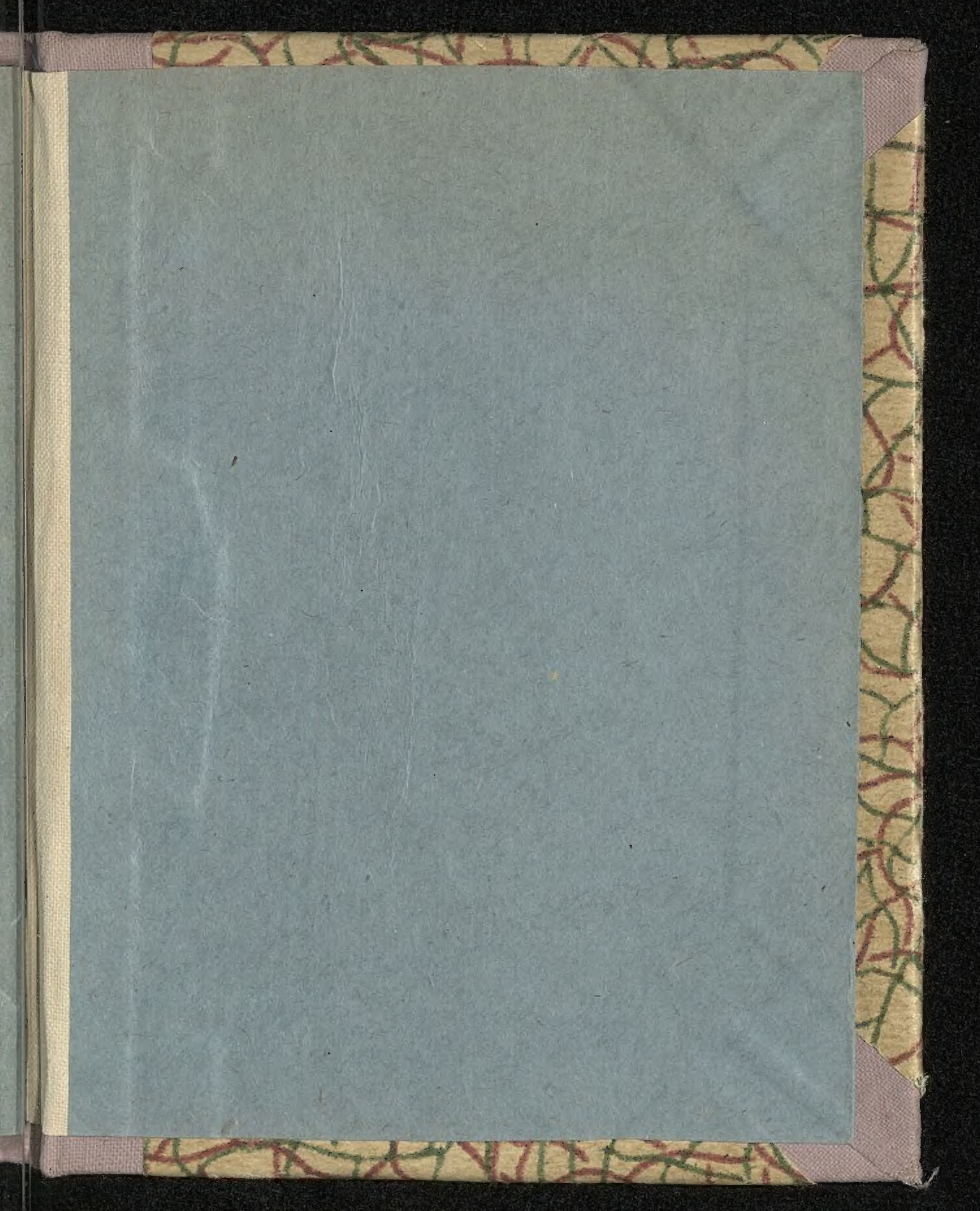
Типография ВПШ. Москва, Малая Дмитровка, 6.

75 коп.

2014079407